

Маша — Медведь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Комова

Маша — медведь

<https://litres.ru/74622014>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о границе между мирами, о пробуждении силы и о девушке, которой предстоит стать мостом между двумя реальностями.

В основе — славянская мифология, но в сюжете появятся и представители других культур.

Это моя первая книга на Литресе, поэтому присутствует волнение))

Вдохновилась старой, всем известной сказкой, но решила показать её под другим углом. С оригиналом особо пересекаться не будет — это самостоятельная история.

Содержание

Глава 1. Первое непонимание	4
Глава 2. Ну и где я?	9
Глава 3. Второе непонимание — столкновение с мёртвыми	20
Глава 4. Соседка с сюрпризом	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мария Комова

Маша — медведь

Глава 1. Первое непонимание

За окном лил дождь — не тот уютный, что стучит по стеклу и убаюкивает, а злой, сильно бьющий по окну, будто смывающий с города последние остатки уюта. Погода совершенно не настраивала на рабочий лад, но это мало кого интересовало: ипотеку платить надо, кушать и жить тоже на что-то приходится.

Горький кофе, в который я забыла положить сахар, оставил неприятное послевкусие, от чего я недовольно скривилась. Этот привкус будто подчёркивал всё, что шло не так: липкий холод, серость за окном, ощущение, что день уже проиграл, даже не начавшись. Раздражённо поставив стакан, я быстрым движением захлопнула окно — и оно, как назло, щёлкнуло с такой силой, что рама дрогнула. В комнату ворвался осенний холод, сырой и тяжёлый, будто сам воздух был пропитан дождём.

Тяжело вздыхаю. Видимо, мне сегодня мокнуть. Зонт я не любила — он вечно ломался на первом же порыве ветра, дождевики не носила: в них я чувствовала себя как в мусорном пакете. В общем, что есть, то есть.

Накинула толстовку на молнии — ту самую, с чуть вытянутыми рукавами, в которых можно спрятать пальцы, когда холодно. Купила я её както на распродаже; на удивление, уже третий год исправно служит. Немного посуетившись на ровном месте, закинула на плечо джинсовый рюкзак, который был со времён моей учёбы в колледже, и привычно проверила по карманам телефон с ключами. Прыгнула в кроссовки, которые уже слегка разносились, и поторопилась выбежать из квартиры. Замкнув дверь, я на секунду задержалась на площадке, прислушиваясь к тишине подъезда: она была не спокойной, а какойто настороженной, будто дом затаил дыхание. Жутковато, но я всё списала на погоду и нерабочий настрой.

Забегаю в скрипучий лифт, который пах чем-то странным — старым деревом, пылью, чуть-чуть ржавчиной и ещё чем-то, что я не могла опознать, но что заставляло морщить нос. Даже знать не хочу, чем здесь пахнет, учитывая, какой контингент жил на самом верхнем этаже нашей многоэтажки. Бесцельно смотрю в замызганное зеркало. Сбоку есть даже след от женских губ — тёмно-розовый, будто кто-то прижался и оставил метку. Я, конечно, не спец, но мне кажется, слюнявить зеркало в таких местах, мягко говоря, негигиенично. Но, как говорится, не мне судить.

Лифт с характерной тряской останавливается на первом этаже, и я медленно ступаю во тьму утреннего подъезда. Знаете эту «романтику», когда спускаешься и буквально не ви-

дишь, куда идёшь? Лестница к двери освещается лампой, которая, кажется, горит с основания этого дома и еле светит на первые две ступеньки. Про остальную дорогу и саму дверь подъезда я молчу: там царила такая густая темнота, что она казалась почти осязаемой, будто можно было провести по ней рукой и почувствовать, как она липнет к коже.

Нахмутив брови и пытаясь хоть что-то разглядеть под ногами, я начинаю спускаться по ступенькам. Всё как обычно... Вот только где дверь? И почему я до неё до сих пор не дошла? Медленно остановившись, я поворачиваю голову, и сердце у меня ухнуло куда-то в пятки. Та самая лампочка находилась довольно далеко от меня — я смотрела на неё будто с третьего этажа, чётко понимая, что такого просто не может быть. От лифта до двери на улицу было метров пять, не больше, а лестница и вовсе со ступеньками от силы десяти штук, а то и вовсе меньше.

Медленно поворачиваю голову в сторону «двери» и продолжаю видеть сплошную тьму. Она не была просто отсутствием света — она будто поглощала его, как чёрная дыра. В голове даже проскальзывали мысли о дурном сне, каких-то испарениях в лифте, которых я могла нанюхаться, доходя и до абсурда — про «волшебное» кофе.— Ну бред, — шепчу я вслух, чтобы услышать собственный голос и убедиться, что я ещё здесь, что это не сон.

Тяжело сглотнув, на ватных ногах, которые совершенно отказывались слушаться, я аккуратно поворачиваюсь назад

и тороплюсь к единственному источнику света — к старой, еле горящей лампочке. В какой-то момент я просто начинаю бежать, но складывается впечатление, что совершенно не двигаюсь с места: ноги будто вязнут в воздухе. Если кто-то хоть раз проваливался в болото, то поймёт это ощущение — вязкость, тяжесть, ограничение.— Нет... Нет-нет-нет-нет... Пожалуйста... — сбивчиво шепчу себе под нос, спотыкаясь и, словно на втором дыхании, резко вскакивая и продолжая бежать наверх.— Так это ТЫ! — услышала за спиной нечеловеческий голос: резкий, хлесткий, он словно впечатался из самой тьмы в мою голову, отдаваясь эхом в висках. Я заверещала от ужаса, холодея от осознания, что лампочка впереди меня стала становиться дальше, а потом и вовсе исчезла, растворившись в этой жадной темноте.— Боги... — только и смогла прошептать, начиная плакать от ужаса и хвататься за сердце. Бежать я перестала: ноги больше не держали, а тьма будто обволакивала меня, лишая сил.— Проснись, Ведьма.— громко мне произнесли прямо в уши, и я успела только скрючиться от страха, обхватив свои плечи руками, как тело по инерции куда-то полетело.

Ступеньки под ногами будто исчезли, я заскользила... по земле? Ноги запнулись непонятно обо что, и я вывалилась из-под дерева, кубарем прокатившись по земле, траве и зацепившись за корни. В конце концов замерла, распластавшись в напряжённой позе, сжимая кулаки и пытаясь осознать, что только что произошло. Воздух здесь был другим: не сырым

и городским, а густым, травянистым, с примесью чего-то дикого и древнего. Пахло влажной землёй, прелыми листьями и ещё чем-то острым, незнакомым.

Я приподнялась на локтях и огляделась. Вокруг были деревья — не аккуратные городские посадки, а настоящие, высокие, с грубой корой и переплетёнными ветвями. Небо над головой было серым, но не от дождя, а от чего-то более глубокого, будто сама атмосфера здесь была тяжелее. И где-то вдалеке слышался низкий, протяжный звук — то ли ветер, то ли голос леса.

«Это не мой город. Это вообще не мой мир», — пронеслось в голове, и страх сменился чем-то другим — холодным, острым пониманием: теперь всё будет иначе.

Глава 2. Ну и где я?

— Ну и где я, блять? — вырвалось у меня хриплым, чужим голосом, и от этого звука по спине пробежал не то что-бы холодок — скорее ледяной сквозняк, который выдул из груди остатки воздуха.

Поднявшись с земли, я будто была не совсем в себе: тело слушалось, но мысли путались, как нитки в старом клубке. Осознание этого лишь сильнее подстёгивало, заставляя судорожно сглатывать ком, который всё настойчивее собирался в горле. Я отодвигала наступающую истерику на задворки сознания, буквально запихивала её туда, потому что если она прорвётся — я просто рухну обратно в траву и больше не встану.

На ноги поднялась рывком, даже не пытаясь отряхнуться. Земляные крошки, травинки, липкая сырость цеплялись за джинсы, но мне было всё равно. Я вертела головой по сторонам, жадно вглядываясь в каждый ствол, в каждую тень, в каждый изгиб ветвей, и дышала — глубоко, до боли в груди, будто пыталась напитать кислородом не только лёгкие, но и саму способность соображать.

Всё было чужое — и при этом подозрительно родное, знакомое, будто так и должно быть. Как будто я когда-то видела эти деревья во сне, но не помнила, когда именно. Эта двойственность сбивала сильнее, чем полная неизвестность.

Плюнув на всё, я резко дёрнулась к дереву, из-под корней которого вывалилась. Его корявые, узловатые корни торчали из земли, будто скрюченные пальцы, а между ними темнела яма. Медленно засунув голову в эту выемку, я вглядывалась в полумрак, почти надеясь увидеть там хоть какой-то намёк на «дверь» обратно: светящийся контур, мерцание, странный узор — хоть что-то. Но ничего не нашла. Вообще ничего.

Там, в стволе, была просто дырка — явная, выточенная временем и какими-то насекомыми, пустая и какая-то обычная. И всё... Ничего. Ни следа перехода, ни намёка на магию, ни даже странного запаха. Просто старое дерево.

— Так, ну как-то же я здесь оказалась, верно? — заговорила я сама с собой, и собственный голос на фоне этой чужой тишины хоть как-то успокаивал, возвращая ощущение реальности. Пусть даже эта реальность была слишком лесной и дикой.

Быстро бегая взглядом по лесу, я не находила ни единого ориентира, за который можно было бы зацепиться: ни сложенной ветки с пометкой, ни выцветшей ленточки, ни даже птичьего гнезда, которое могло бы стать хоть какой-то точкой отсчёта. Всё было одинаковым: огромные стволы деревьев, которые я бы не смогла обхватить руками, насыщенная зеленая листва, мох, свисающий с веток, как старые тряпки.

Тяжело вздохнув и судорожно выдохнув, я медленно отошла от «чудо»-дерева чуть дальше, продолжая вертеть голо-

вой, будто надеялась, что пейзаж вдруг сменится на знакомый городской двор.

«Вниз», — резко сработало в голове, и я опустила взгляд себе под ноги, от удивления приподнимая брови.

Дорожка. Аккуратная, земляная, заросшая, но всё же дорожка! Трава на ней была примята, местами пробивались мелкие полевые цветы, а кое-где виднелись углубления — будто когда-то здесь часто ходили. Я судорожно искала взглядом её начало, пыталась угадать, откуда и куда она ведёт. Если знать, куда смотреть, её действительно можно было разглядеть — она петляла между деревьями, теряясь в лёгкой дымке, которая стелилась над землёй.

Вот только тут назревал другой вопрос: а идти-то куда? Налево — в сторону, где лес казался чуть светлее, или направо — туда, где тени сгущались, а воздух будто становился плотнее? Я замерла, разрываясь между инстинктом бежать туда, где светлее, и странным внутренним предчувствием, что опасность прячется именно в этой обманчивой ясности.

Мои метания прекратились очень быстро.

Я увидела, блять, медведя! Огромного, буро-коричневого, с тяжёлой поступью и густой шерстью, отливавшей в свете пасмурного неба. Он лениво вышел из кустов — и кусты даже не пошевелились! Как будто он прошёл сквозь них, не задев ни единой ветки. Зато волосы на моей голове пошевелились все разом, вставая дыбом, словно пытаюсь унести ме-

ня отсюда силой статического электричества.

— Мать моя женщина... — тихо произнесла я, и голос прозвучал так жалко и тонко, что стало почти стыдно. Но стыд длился ровно секунду — а потом инстинкт взял верх.

Резко развернувшись, я побежала так, что пятки, кажется, действительно бились об пятую точку. Право слово, словно на третьем дыхании, которого у меня никогда не было. Видел бы меня учитель по физкультуре из всех заведений, где я училась, — явно бы удивился: так я не бегала никогда. Даже на зачётах, даже когда опаздывала на автобус.

И только где-то на краю сознания мелькнула запоздалая мысль: вообще-то медведи быстро бегают, да и отлично лазают по деревьям. Ну и что ему догнать меня — просто расплюнуть. Но думать об этом было некогда: страх гнал вперёд, заставляя не замечать, как ветки хлестали по лицу, как корни норовили подставить подножку, как лёгкие горели от каждого вдоха.

Так я и бежала, чувствуя себя дичью, которую уже присмотрели для ужина. В один из поворотов я круто влеваю в какие-то массивные кусты — такие густые, что казалось, будто они живые и специально поджидали меня. Я зажмурилась, ожидая удара о ствол или колючки, и врезалась во что-то крепкое, твёрдое, холодное.

От удара у меня выбило воздух из груди, и я отшатнулась назад, чувствуя, как заболели ладони, которыми я попыталась смягчить столкновение. В моменте я не поняла, на что

такое налетела, но когда открыла глаза, сердце замерло, а потом заколотилось так, будто хотело пробить рёбра.

Я стояла в своём подъезде. Прямо перед металлической дверью, в которую, видимо, и впечаталась. Знакомый запах старого дома, облупившаяся краска на стене, еле святающая лампочка — всё было на месте.

— Та-а-ак, очень интересно... — судорожно произнесла я, нервно усмехаясь, и принялась лихорадочно причёсывать волосы дрожащими пальцами, будто этот обычный жест мог вернуть меня в привычную колею.

Резко оглядываясь по сторонам, я искала взглядом хоть кого-то, кто мог бы подтвердить, что я не сошла с ума: соседа с мусорным ведром, бабулю с клюкой, хоть кота, свернувшегося на подоконнике. Но подъезд был пуст. Тишина стояла такая, что было слышно, как где-то капает вода в трубе.

Постояв ещё несколько минут, вжавшись в угол и пытаясь унять дрожь, я всё же вышла из подъезда, настороженно косясь по сторонам.

Всё тот же двор. Всё тот же дождь, злой и холодный, бьющий по асфальту. И я — в грязи, в траве, с расцарапанными ладонями и взглядом, который, наверное, выдавал во мне человека, только что сбегавшего из кошмара или находящегося под веществами.

От понимания, что это нихрена мне не показалось, что всё было по-настоящему, меня накрыла новая волна дрожи. Я нервно начала отряхиваться, оставаясь под козырьком, буд-

то он мог защитить меня не только от дождя, но и от всего остального безумия.

Мозг, видимо, решил сберечь меня и выдал единственную здравую мысль, которая смогла пробиться сквозь панику: «Работа. Надо на работу. Там всё нормально. Там есть начальник, отчёт, кофемашина, которая плюётся кипятком. Там есть правила».

Поэтому, как ни в чём не бывало, я поторопилась вперёд, периодически впадая в какую-то прострацию, когда реальность вдруг начинала казаться слишком зыбкой.

Добравшись до остановки, я медленно зашла в автобус, будто ноги вдруг стали тяжелее обычного. Холодный ветер цеплялся за влажную ткань куртки, и я зябко передёрнула плечами, пытаясь стряхнуть с себя остатки того лесного кошмара — или что это вообще было. Привычным движением приложила карту к валидатору, даже не глядя на экран: этот жест был настолько въевшимся в рефлекс, что мозг его почти не замечал. И именно эта обыденность сейчас казалась спасительной — будто если я сделаю всё как всегда, мир снова станет нормальным.

В какой-то прострации я села возле окна, прислонившись лбом к холодному стеклу. Оно было чуть запотевшим, и я машинально провела пальцем по конденсату, выводя бессмысленную линию. Шмыгнула носом, прислушиваясь к себе, и надеялась, что это просто нервы, что сейчас всё пройдёт, а не какая-то глупая простуда, которой мне сейчас точ-

но не хватало.

Я начала разглядывать постройки за окном, скользя взглядом по серым панельным стенам, по облупившейся краске, по рекламным щитам, которые мелькали, как кадры плохого фильма. Всё было привычно, серо, буднично — и от этого становилось чуть спокойнее. Но потом мой взгляд словно сам собой, будто с насмешкой надо мной, выцепил несколько строк, написанных чёрной аэрозольной краской на стене дома:

«Страх не отбирает разум — он делает его острым и примитивным: беги, не думай, не оглядывайся. А оглядываться хочется больше всего».

Я замерла, вцепившись пальцами в край сиденья, и читала эти строчки снова и снова, пока автобус не уехал достаточно далеко и они не пропали с поля зрения, растворившись среди других домов. Слова будто царапнули что-то внутри, слишком точно попав в то, что я чувствовала. Перечитывая их, я внутренне вся подобралась, как перед ударом. Что-то слишком очевидно изменилось в моей жизни. Может, шизофрения? Хотя в роду ни у кого её не было... Мысль была нелепой, но в тот момент она казалась самой логичной из всех возможных.

Эта мысль оборвалась на полуслове, когда человек напротив меня встал, собираясь выходить. И тут я увидела надпись на ручке сиденья, аккуратную, будто выписанную тонким флюмастером, и, судя по почерку, явно женской рукой:

«Я не знала, где я. Зато очень чётко знала, от чего бегу».

На секунду мне показалось, что пол автобуса качнулся. Я медленно опустила взгляд, чтобы не выдать своего потрясения, и аккуратно осмотрелась вокруг себя, стараясь не привлекать внимания. Все сидели, уткнувшись в телефоны, смотрели в окно или просто закрывали глаза, будто пытались спрятаться от этого утра. Они выглядели как обычные люди, ничем не отличающиеся от любого другого буднего дня в автобусе. Никакой паники, никаких взглядов, будто никто не замечал этих надписей, будто они были только для меня.

Опустила взгляд на свои руки, которые я нервно разминала, сжимая и разжимая пальцы, стараясь перевести своё внимание на телесные ощущения. Пусть будет боль в костяшках, пусть будет холод от металла сиденья, пусть будет хоть что-то реальное, потому что в голове был полный штиль — нет, не штиль, а шторм, хаос, в котором мысли сталкивались друг с другом и рассыпались, не успевая сложиться в предложения.

Может, я просто слишком остро это воспринимаю? Ну, там какая-то психосоматика, которая накладывает любые слова на мою ситуацию, которую я и по сию минуту не могу объяснить привычным стечением обстоятельств. Эта мысль была слабой, но я цеплялась за неё, как за соломинку.

Чтобы хоть как-то успокоиться, я достала телефон и начала листать новостную ленту. Экран светился слишком ярко, и этот обычный, привычный поток информации вдруг показался мне чем-то надёжным. На удивление, это действи-

тельно помогло. Я даже более-менее переключилась на более понятную и обыденную информацию: новости о войне, какая-то многодетная мать, чьи-то открытия, какие-то скандалы — всё то, чем так стараются насытить информационную страницу, чтобы заполнить любую паузу в мыслях. Я настолько увлеклась, механически тыкая на заголовки и бегло просматривая первые абзацы, что не сразу сообразила, что женщина рядом со мной что-то говорит.

Прислушавшись, я замерла, не смотря в её сторону, чтобы не показаться странной. А потом медленно повернулась к ней, когда она снова и снова читала одну и ту же фразу, словно специально, будто ожидала, что я её услышу. Её губы беззвучно шевелились, и на секунду мне показалось, что она вообще не произносит слова вслух, а просто транслирует их мне прямо в голову.

— Иногда дверь — это просто дверь. А иногда — проклятие, которое уже успело стать судьбой, — наконец произнесла она чуть хрипловатым, спокойным голосом, будто говорила о погоде.

Я уставилась на неё круглыми и настороженными глазами, вновь внутри вся подобралась. Кто из нас обеих тут не в себе, я не знала, но звучало это жутко, прямо до мурашек. Когда я полностью уделила ей всё своё внимание и, кажется, восприняла её фразу, только тогда она замолчала, спокойно поднесла руку и пальцем перелистнула страницу на своём планшете. Я не особо разбираюсь в них, но в тот момент мне

хотелось только одного — выпить чего-нибудь крепкого, хотя было только утро, и даже кофе казался слишком слабым средством.

— Ладно... — тихо произнесла я себе под нос, чтобы услышать собственный голос и убедиться, что он ещё у меня есть.

— Мне нужно выйти, — спокойно сказала я, обращаясь скорее к себе, чем к ней, к этой, очевидно, такой же «ненормальной» бабушке, как и я сама. Она чуть подвинулась, подобрала ноги, освобождая проход, и посмотрела на меня с каким-то странным, почти сочувственным выражением, будто знала что-то, чего не знала я.

Я выскользнула из автобуса, едва дождавшись, пока двери откроются, и вдохнула сырой городской воздух, который вдруг показался мне чище и понятнее, чем всё, что происходило последние часы.

На работу я шла уже более бодрым шагом, хотя внутри всё дрожало, как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть. Я понимала, что истерика где-то совсем рядом, дышит мне в затылок и ждёт только удобного момента, чтобы накрыть меня с головой.

Главное — добраться до своего кабинета, до этого маленького, привычного пространства, где всё на своих местах: стул, стол, чашка с отбитым краем, стопка бумаг, календарь с позапрошлогодними датами. Там и поплакать можно, и чаю выпить, и позавтракать по-человечески, пока никто не ви-

ДИТ.

Глава 3. Второе непонимание — столкновение с мёртвыми

Добежав наконец до работы, я втянула воздух, пытаюсь выровнять дыхание, и натянула на лицо улыбку — ту самую, отработанную, которая должна была сказать: «Всё нормально, просто немного устала». С коллегами здоровалась быстро, не задерживая взгляд, чтобы никто не успел вчитаться в мои глаза. Когда Марина, вечно всё замечающая, прищурилась и спросила, не заболела ли я, я отмахнулась, пробормотав что-то про сквозняк и недосып. Слова прозвучали ровно, почти убедительно. Главное — не дать им увидеть, как у меня дрожат пальцы. Быстро скользнув в свой кабинет, я закрыла дверь, будто эта тонкая деревянная перегородка могла отсечь всё, что со мной происходило. Здесь пахло пылью, старой бумагой и чем-то затхлым, въевшимся в стены за годы, пока комната служила архивом. Проветривать приходилось часто, но запах не уходил — он будто стал частью этого места. Мне даже гордо выделили этот кабинет: раньше он запирался на ключ, а теперь тут стоял стол, дешёвый компьютер и обычный стул — спасибо хоть с мягкой сидухой, иначе я бы точно сошла с ума от жёстких углов и бесконечных часов сидения.

— Ну что, Адольф, как жизнь? — иронично бросила я в

сторону горшка у двери.

Чертополох, который я когда-то случайно притащила на штанине и швырнула в горшок, теперь гордо рос, распуская колючие ветви. Почему Адольф? Первое, что пришло в голову, когда эта колючка вдруг проросла. Он не отвечал, конечно, и слава богам — хоть тут всё было привычно, без сюрпризов.

Вымыв руки в крошечной раковине в углу, я похлопала себя по щекам, чтобы вернуть хоть немного цвета коже, и внимательно осмотрела себя в маленьком зеркале над умывальником. Тёмнорусые волосы, собранные в небрежный хвост, зелёные глаза без нормального блеска, кожа — бледноватая, почти серая, как у человека, который слишком долго не видел солнца. В общем, не удивлюсь, если кто-то решит, что я что-то употребляла. Но это лучше, чем правда.

Налив себе огромную чашку чая, я щедро добавила мёда — хотелось хоть какой-то сладости, чтобы перебить металлический привкус страха во рту. Из заначки достала бутерброд: копчёное куриное мясо из магазина, простой хлеб. Ела медленно, почти механически, стараясь сосредоточиться на текстуре, на вкусе, на том, как зубы сжимают кусок. В голове было пусто — наверное, впервые за всё утро. Эта пустота казалась почти приятной, как короткая передышка перед бурей.

Так я и просидела какое-то время, глядя в стену пустым взглядом и медленно делая глотки из кружки. Потом, словно

очнувшись, бросила взгляд на стопку документов, отложила стакан, включила компьютер и взялась за работу. Пальцы бежали по клавиатуре, я перебирала бумаги, сортировала, вносила данные — словно и не было этого сумасшедшего утра, словно я могла спрятаться за рутинной.

Время тянулось вязко, будто кто-то замедлил его специально. Я то и дело кидала взгляд на старые висятые часы, на входную дверь, на узкую щель под ней. Словно чего-то постоянно ожидала, хотя всё было как обычно: тихо, спокойно, обыденно. Так и тянулись часы до самого вечера. Моя смена заканчивалась в восемь тридцать, график — три через три. Потерпеть три рабочих дня казалось посильной задачей. Главное, чтобы не начала происходить очередная чертовщина.

В восемь вечера уже было довольно темно. Сквозь узкую щель снизу я видела, как в коридоре гасят часть лампочек — экономят свет, делают полумрак. Я просто отметила это у себя в голове, ничего особенного, и продолжила работать. И вот, в очередной раз подняв взгляд — часы, дверь, щель под дверью, — я замерла. Там кто-то стоял.

— Кто там? — голос прозвучал хрипло, будто я давно не говорила вслух.

Никто не ответил. Я видела только силуэт ног: тёмные очертания на фоне тусклого света коридора. Сглотнув, прислушалась, но не услышала ни шагов, ни дыхания, вообще ничего. Только вдруг меня обдало холодом, будто сквозняк

прошёлся по коже, хотя окно было плотно закрыто. На улице осень, мы в Сибири — тут особо не побалуешься открытыми окнами, замёрзнешь в два счёта.

— Что-то случилось? — снова попыталась я, цепляясь за мысль, что это просто кто-то из коллег, кто-то нормальный, кто сейчас ответит, пошутит, скажет, что просто стоял и думал.

Но ответа не было. Приподняв взгляд к окошку над дверью, я заметила, что лампочка в коридоре начала периодически мигать — то тускнела, то вспыхивала, будто ей не хватало напряжения. Силуэт ног задержался на месте, потом медленно сдвинулся и ушёл. Я медленно выдохнула, чувствуя, как плечи опускаются от временного облегчения.

Опустив взгляд на бумаги, я стала медленно наводить порядок на столе, складывая всё по стопочкам, выравнивая края, будто идеальная стопка могла удержать реальность на месте. Удовлетворившись, снова бросила взгляд на щель под дверью — и замерла. Теперь там будто стояли два человека.

— Кто там? Я вас вижу. Хватит шутить, — голос уже не был ровным, в нём слышалась дрожь, которую я не могла скрыть.

Ответа вновь не последовало. Я судорожно вздохнула, потёрла глаза, будто могла стереть то, что видела, постучала костяшками по столу — глупый, детский жест, чтобы вернуть себе ощущение контроля. Потом медленно поднялась на ноги, подошла к двери и щёлкнула замком, закрывая её.

Чуть отступив назад, я всё ещё видела под дверью очертания — четыре ноги.

Присев на корточки, я потянулась головой к полу, пытаюсь хоть что-то уловить сквозь узкую щель. И уловила. Ноги. Босые, бледные, с синеватым оттенком кожи. Медленно выпрямившись, я почувствовала, как кровь будто застывает в венах, а тело становится чужим и непослушным.

— Да что ж это такое... — пробормотала я, чувствуя, как трясутся руки, а сердце грохочет в груди так, будто хотело вырваться наружу.

Взяв табуретку, я поставила её у двери и, на ослабевших ногах, приподнялась, заглядывая через окошко в двери, стараясь рассмотреть, кто же там встал у порога. Чуть ли не прижимаясь носом к стеклу, я бросила взгляд вниз — и сразу же деревенея от ужаса.

Там стояли мужчина и женщина. Оба в простых накидках, завязанных на спине, будто больничные халаты, только грубее, из грубой ткани. Они стояли ровно, неподвижно, как статуи. У мужчины голова была пробита насквозь — рана зияла, тёмная, старая, будто её не касалось время. У женщины грудь была вскрыта, рёбра раздвинуты, а внутри — пустота. Сердца не было.

Я не знала, что делать. Тошнота подкатывала к горлу, а тело не слушалось, будто кто-то выключил управление. Так и замерла, глядя на этих непонятных мертвецов, сама ни жива ни мертва. Возможно, так бы и простояла, если бы не резкий

стук в дверь и хриплый голос, который врезался в моё дрожащее от страха тело:

— Лес не был пустым. Он просто не спешил показывать, кто ещё в нём ходит. Меня всю передёрнуло, я спрыгнула с табуретки и отбежала к столу, вжимаясь в угол, тяжело дыша и с ужасом глядя на дверь. Ручка медленно дёрнулась, будто кто-то хотел войти, но, словно обжёгшись, оставил её в покое.

Мертвецы, будто выждав насмешливую, трагическую паузу, ушли, на этот раз шоркая ногами по полу — звук был тихий, но отчётливый, он врезался в уши, как гвоздь в доску. Схватившись за сердце, я оперлась о стол, судорожно дыша, а потом и вовсе разревелась — тихо, без всхлипов, просто слёзы катились сами, потому что держать это внутри больше не было сил.

— Ну нет, это уже слишком, — прошептала я, вытирая лицо рукавом и чувствуя, как холод ползёт по спине, напоминая, что самое страшное, возможно, ещё впереди. Вытирая слёзы рукавом, глубоко вдохнула и выдохнула, как будто это могло навести порядок в моей голове. Потом резко выпрямилась, расправила плечи и заставила себя сделать три обычных, нормальных движения: поправить стопку бумаг, взять ручку, посмотреть на часы. Если я буду двигаться как обычно, может, и выглядеть буду как обычно.

— Всё нормально, — прошептала я себе, и голос прозвучал жалко, но хоть не дрожал. — Просто устала. Просто темно. Просто... происходит какое-то необъяснимое дерьмо.

В коридоре слышались шаги и приглушённые голоса. Я метнулась к двери, щёлкнула замком, потом ещё раз, чтобы точно закрылось, и замерла. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно в коридоре. За ручку двери дёрнули, и раздался привычный голос Марины, отчего мне стало значительно спокойней. Медленно отомкнув дверь, я встретила взглядом с коллегой.

— Ты ещё тут? А я думала, ты уже ушла. У нас в приённом опять бардак, все бегают, а я хотела спросить: ты не видела папку с актами за прошлый месяц?

— Нет, — ответила я слишком быстро и сама себя одёрнула: «Говори медленнее, спокойнее». — Не видела. Может, в шкафу в коридоре?

Марина кивнула, но не ушла. Она смотрела на меня чуть дольше, чем нужно, будто пыталась прочесть что-то между строк.

— Слушай, ты точно в порядке? Ты какая-то... серая. Может, чаю? Или я могу кого-то позвать, если тебе плохо.

— Не надо, — я улыбнулась, и улыбка вышла натянутой. — Просто день тяжёлый. И темно тут. Сейчас доделаю пару строк и пойду.

Она ещё секунду помедлила, будто хотела что-то сказать, потом махнула рукой.

— Ладно. Если что, я рядом.

Дверь закрылась, и я выдохнула. Но не успела расслабиться: стоило тишине вернуться, как кабинет будто стал теснее.

И тогда это началось.

Сначала я заметила, что часы над дверью тикают не просто громко — они будто отсчитывают что-то важное. Тиктак, тиктак — и каждый удар отдавался в груди, как предупреждение. Я подняла взгляд и вдруг увидела, что секундная стрелка на секунду замерла, а потом прыгнула сразу на три деления вперёд. Не плавно, а именно прыгнула. Я моргнула, посмотрела снова — стрелка шла как обычно. Но я знала, что видела.

Потом взгляд скользнул на Адольфа — мой чертополох. Он стоял в горшке, колючий и упрямый, и обычно я на него почти не смотрела. А сейчас мне показалось, что вокруг его листьев мерцает тонкая, едва заметная дымка, зеленова-то-золотая, как солнечный свет в густой траве. Она двигалась вместе с невидимым ветром, хотя в комнате было тихо. Я протянула руку, почти коснулась листа — и тут же отдёрнула. Что-то подсказывало: если я дотронусь, то почувствую не колючку, а тепло, как от живого существа.

Я резко убрала руку и уставилась на свои ладони. Они дрожали.

А потом я услышала.

Не слова, а обрывки. Как будто радио, которое ловит несколько станций сразу: «...не может быть...», «...надо проверить...», «...пусть она просто уйдёт...». Я замерла. Это были не мои мысли. И не звуки из коридора. Они звучали внутри головы, но принадлежали не мне.

Марина. Это были её мысли.

Я закрыла глаза, сжала виски пальцами, пытаюсь выдавить этот чужой шёпот: «Нет, нет, нет. Этого не бывает. Это просто нервы. Просто паника. Просто...» Но шёпот не прекращался. Он стал тише, но яснее: «Надеюсь, она правда просто устала. Пусть она просто уйдёт и отдохнёт. Я не хочу, чтобы с ней было что-то не так...».

Я открыла глаза и уставилась на стеллажи с архивом. Буквы расплывались, а потом вдруг стали чётче, будто кто-то выкрутил резкость. Я медленно подошла к своему компьютеру, и вместе с чёткостью пришла странная ясность: я вдруг поняла, что в документе, который я только что открыла, есть ошибка. Не просто опечатка, а ошибка в логике: дата не совпадала с номером документа, кто-то вручную подправил цифры. Было ощущение, что какие-то чувства обострились и в глаза стали бросаться те вещи, на которые я бы обычно не посмотрела.

Это было страшно. И в то же время... в этом была какая-то странная сила. Как будто мир стал ярче, громче, ближе. И опаснее.

Я медленно закрыла файл, отодвинула клавиатуру и посидела так, глядя в одну точку, пока дыхание не стало чуть ровнее. Потом встала, накинула куртку, собрала вещи. Двигалась медленно, но уверенно — так, чтобы никто не подумал, что я бегу. Вышла в коридор. Там было шумно: кто-то кричал, хлопали двери, бегали люди. Обычная больничная

суета, но сейчас она казалась мне слишком громкой, слишком яркой. Свет ламп резал глаза, голоса сливались в один гул, и мне хотелось закрыть уши.

Марина увидела меня и подошла.

— Уходишь? Может, я тебя провожу? Тут сегодня какой-то дурдом.

— Нет, спасибо, — я постаралась улыбнуться понастоящему. — Я сама. Мне просто нужно на воздух.

Она кивнула, и в её взгляде мелькнуло облегчение.

— Хорошо. Отдохни. Завтра будет легче.

Я вышла на улицу. Холодный воздух ударил в лицо, и я наконец-то смогла сделать глубокий вдох. Дождь закончился, но асфальт был мокрым и отражал свет фонарей, как чёрное стекло.

Остановившись у крыльца, я посмотрела на больницу. Окна светились, люди двигались внутри, и всё это было таким обычным, таким нормальным. Но теперь я знала: за этой нормальностью прячется что-то ещё. Что-то, что начинает просыпаться во мне.

И я не знала, смогу ли я это контролировать.

Глава 4. Соседка с сюрпризом

Дорога до дома прошла на удивление обыденно — либо я была под таким впечатлением после произошедшего за день, что просто была не в силах что-то ещё заметить. В автобусе я стояла, словно напружиненная и готовая бежать в любой момент. Но на все мои опасения не произошло ровным счётом НИЧЕГО. Только пахло сыростью и дешёвым освежителем, а за окном тянулись одинаковые серые многоэтажки, будто специально выстроенные так, чтобы ни у кого не осталось иллюзий насчёт этого города. Поэтому, спокойно досеменив до дома по мокрым дорогам и избегая луж, я с подозрением посмотрела на дверь подъезда и аккуратно её открыла.

На несколько секунд замерев, я набралась решительности, раскрыла дверь максимально широко и ломанулась к лифту. Но лифт, как назло, не отзывался, остановившись и замерев на втором этаже. Где-то внутри шахты что-то лязгнуло, и тишина стала ещё гуще. Пришлось подниматься по лестнице, где каждый мой шаг отдавался в ушах слишком громко, будто кто-то специально подкручивал громкость.

Взлетев на второй этаж, я тут же в нескольких сантиметрах останавливаюсь перед соседкой. Женщина сорока лет, с сединой в волосах, которую она не пытается прятать, — будто гордится этой сединой, как знаком чего-то важного. Округлив глаза от внезапности, я привычно растянула губы

в неловкой улыбке.

— Добрый вечер, — спешно произнесла, оказываясь под прицелом строгих серых глаз.

— Здравствуй, — скупно произнесла соседка и не спешила куда-то уходить, а потом и вовсе схватила меня за руку. Очень крепкой хваткой, либо просто я хилой стала, сидя за компом.

— От тебя разит, ведьма. Научись скрывать этот шлейф, дура.

От такого выпада я буквально ахринела, так и замерев с глупой улыбкой на лице. Соседка Нина смирила меня взглядом, скривив брезгливо свои губы в ярко-красной помаде — такой оттенок, который днём выглядит вызывающе, а вечером кажется почти зловещим. Она ушла, оставляя после себя вкусный запах дорогих духов и осадок на моей душе.

Нервно усмехнувшись на очередной бред, я зашла в лифт — он будто ждал, пока Нина исчезнет за своей дверью. Поднимаясь, я смотрела на своё отражение в мутном зеркале кабины: лицо бледное, глаза слишком большие, будто я сама себе казалась чужой. Только там, на своём этаже, до меня дошёл смысл её слов, от чего брови взлетели вверх, а руки вцепились в волосы на голове. Вновь нервно посмеиваясь, я пробормотала:

— Не, ну может это какой-то массовый психоз? Ну или там сумасшествие?

Быстро открывая дверь квартиры и забегая внутрь, я

осмотрела свою привычную однушку, за которую ещё платить и платить. Здесь всё было на своих местах: полка с книгами, которые я давно не открывала, старый плед на диване, кружка с остывшим чаем на столе. Я выдохнула с облегчением. Впервые за весь день расслабляясь от пережитого, я переоделась в домашнюю одежду и умылась холодной водой. Капли стекали по лицу, и на секунду показалось, что вода чуть-чуть щиплет кожу — будто не просто вода, а что-то, что пытается смыть с меня чужой взгляд.

Села за ноутбук. Стоило только ему включиться, как на главном экране была открыта статья: «Как защититься от нечисти в наше непростое время?». Ровно на моменте, как я дочитала заголовок, у меня нервно дёрнулся глаз. Ощутимо так. Но, вспоминая сегодняшний день, я была уже готова во всё уверовать.

«В жопу такой эмоциональный аттракцион», — подумала я и всё же решила выпить валерьянки, на всякий случай, и только потом с каменной миной читать статью. Бегая взглядом по обрывкам текста и делая себе пометки в электронном блокноте, я пыталась сохранить хоть каплю скепсиса:

«Мир пронизан духами, и нужно закрывать проходы для зла».

Иронично приподняла брови, но, вспоминая мертвецов под дверью, весёлость сразу ушла.

«На уязвимых местах — вокруг окон, на дверях, на коньке крыши — размещали защитные символы: солярные знаки.

Резьба на наличниках и причелинах не была просто украшением: она блокировала проникновение злых духов».

Косо посмотрев на своё пластиковое окно, я лишь сделала пометку по символам. Резьбу, естественно, отмечаем куда подальше.

«У порога клали топор лезвием наружу — он служил и реальным, и магическим барьером. Над дверью могли вешать пучки трав, ножницы, подкову, а на косяк наносили защитные знаки».

Бросила взгляд на кухонные ножницы, которые давно у меня лежат без дела, и сделала себе пометку повесить их над дверью.

«Словесные формулы произносили при входе/выходе, перед сном, при работе в поле. Они были призваны закрыть человека и пространство от зла. Считалось, что в пограничные часы (полночь, полдень, сумерки) и дни (кануны праздников, дни поминовения) нечисть особенно сильна».

Посмотрев на сегодняшнее число и погуглив в интернете, я ровным счётом ничего не нашла. Обычный день. Из зацепок только то, что это был вечер и, возможно, сумерки?

Дальше информацию я просто не воспринимала — ну вот уж слишком сказочная. Протерев уставшие глаза, я всё-таки встала и повесила ножницы над входной дверью, остриём вниз. Задумчиво на них смотря, испытывая странное ощущение, будто они там всегда и висели. Даже два гвоздя под них были... А ведь когда въезжала в эту квартиру, не обра-

тила особо внимания. Даже и не вспомню, что там до этого висело и почему я их так и не выдернула, когда переклеивала обои.

— Так... Ну... Висят крепко... Отсекайте негатив, опасность и... Дорогу нечисти в квартиру мою отрезайте, что разум да тело моё терзать собралось. Мой дом, моя территория, моё пространство. Слово моё крепко, и сильно, как Алатырь-камень. Да будет так.

Тихо произносила я то, что приходило в голову, сформулировав это из прочитанных заговоров на свой лад. Решив оставить только концовку и почитать, что за камень такой, этот Алатырь. Сделав два шага назад и внимательнее оглядев висящие ножницы, а потом дверь, я просто сама себе покивала, не зная, насколько это всё «рабочее». Но почувствовала в теле лёгкую слабость и приятную усталость, даже удивившись. Будто что-то внутри меня щёлкнуло и встало на место.

БАХ!

Вздрогнула и инстинктивно прижала плечи к голове. Кто-то очень хорошенько врезался в мою дверь, но ни шагов, ни звуков не увидела.

— Да блин, ну нет... — пробормотала, чувствуя, как опять стучит о рёбра сердце. Вы когда-нибудь уставали от страха? Я вот за этот день очень даже устала, особенно от непонимания этого страха и событий.

Глубоко вздохнув и выдохнув, я медленно подошла к две-

ри и посмотрела в глазок. Никого. Вот так вот. Закрыв глазок, я проругалась матом и вновь села за ноутбук, читая про камень Алатырь и про богов славянских. В принципе, интересное чтиво, даже не ожидала, что у славян такое было. Сделав себе пометки и скептически пробежавшись взглядом по своему блокноту, чувствовала я себя сейчас девочкой-подростком, который пересмотрел «Битву экстрасенсов» и планирует стать крутым магом.

Если бы мать узнала, то у виска бы покрутила.

— Весело, — произнесла я, готовясь ко сну. И всё-таки перед тем, как лечь, ещё раз посмотрела на ножницы над дверью. Они тускло поблёскивали в свете лампы, и мне вдруг показалось, что металл чуть-чуть потемнел — будто впитал в себя что-то или что-то отрезал.

Я легла, но долго не могла уснуть, прислушиваясь к тишине квартиры. И уже почти провалившись в сон, услышала, как в коридоре что-то тихо звякнуло — точно так же, как ножницы, если их случайно задеть. Только я никого не задевала.

Но мой разум, видимо, настолько устал, что я выложила на это всё и уснула крепким сном. Либо валерьянка сделала своё дело и помогла мне словить «успокоин», дав забыться крепким сном. Только перед тем, как окончательно провалиться, я ещё раз покосилась на ножницы над дверью. В полумраке прихожей металл казался не просто потемневшим — он будто впитывал свет, как мокрая ткань тянет воду, и

от этого становилось не по себе. А потом тишина накрыла меня, тяжёлая, вязкая, будто кто-то накинул на комнату толстое одеяло, глушащее все звуки.

Утром я проснулась от будильника. Отключив его и отсоединив телефон от зарядки, я медленно поднялась. В квартире было тихо, но не так, как бывает в пустых домах — а так, будто тишина здесь жила сама по себе и прислушивалась. Сходив умыться и приведя себя в порядок, я достала чистые джинсы, кофту, накинула более тёплую куртку и протёрла кроссовки. Выпрямившись в полный рост, вновь проверила в кармане телефон и ключи, посмотрела на своё отражение в прихожей, замерев.

— Чё это... — грубым утренним голосом произнесла я, разглядывая в темноте прихожей свои глаза.

В ванной при свете не было ничего видно, но здесь, возле входной двери, где тени лежали плотнее, я в непонимании пялилась на себя. В моих глазах как будто периодически появлялись и вспыхивали какие-то блестяшки, ярко сияя маленькими звёздочками. Выглядело, конечно, красиво и необычно, но странно. Так ещё и светились в темноте — не ярко, а будто изнутри, как угли, которые ещё тлеют под слоем пепла. Залипнув так минут на десять, разглядывая свои глаза, я всё же медленно отстранилась и посмотрела вверх.

Ножницы висели на прежнем месте, вот только почему-то на острие была будто сажа — такой след остаётся, если, до-

пустим, поддержать их над огнём. Тонкий чёрный налёт, который не стирался, будто въелся в металл.

— Ага... Наверное, работает... — скривившись, рассматривала я чёрные разводы на металле. — Ну раз так, то и... «Чур меня».

Припоминая слово-оберег из статьи, я произнесла это перед тем, как выходить. И тут же внутри разлилась тёплая волна до мурашек, будто по венам прокатилось что-то мягкое и осторожное. Настроение на удивление стало лучше — не радостное, а твёрдое, собранное, будто я наконец-то надела ту самую куртку, которая по-настоящему греет.

Замкнув дверь, я спокойно вызвала лифт, спустилась, удивительно спокойно вышла на улицу и встретилась со вчерашней соседкой. У Нины была разбита губа и бровь — свежая ссадина, ещё не успевшая потемнеть, а взгляд был острым как бритва. Волосы стянуты в тугую гульку на затылке, будто она хотела спрятать не только волосы, но и саму себя. Следом за ней шёл её муж, которого я в последний раз видела три месяца назад. Суровый брутальный дядька с охотничьим ружьём на плече, шальным взглядом и этой странной, почти располагающей улыбкой, от которой почему-то хотелось поёжиться.

— Доброе утро, — вежливо поздоровалась я, с интересом их разглядывая.

Нина холодно кивнула, фурией заходя в подъезд, а её муж — понятия не имею, как его зовут, — молчаливо, но галант-

но прижал руку к своему сердцу, наигранно глубоко кивнул, внимательно посмотрев в мои глаза. На секунду мне показалось, что он заметил эти искры, эти звёздочки, и что-то в его взгляде дрогнуло — будто он увидел не меня, а что-то за мной. Потом он просто ушёл, оставив после себя запах пороха и сырого леса. Охотничье ружье... Серьезно?

Пожав плечами на эту колоритную парочку, я отправилась привычной дорогой до работы. Было очень хорошо, словно и не было вчерашнего сумасшествия. Воздух был свежий, холодный, и он будто смывал с меня остатки ночных страхов. До своего рабочего места я добралась спокойно, пока не остановилась перед дверью в свой кабинет.

На деревянной двери, покрашенной дешёвой старой краской, были следы царапин и отпечатков рук. Чёрные, в чём-то измазанные фигуры ладоней, будто кто-то хотел пройти внутрь, настойчиво стуча и царапая. Пальцы на отпечатках казались неестественно длинными, а сами следы — слишком чёткими, будто оставлены не кожей, а чем-то другим.

— А, тут наркоман буянил вчера вечером, его как примагнитило к твоей двери.

Вчера даже в морг пробрался, представь? Мёртвых с кушеток поскидывал, зае... устала убирать. Мне столько не платят! — ворчливо произнесла наша санитарка, которую я до сих пор не знаю, как зовут. Она и до этого была ворчливой бабушкой, а тут вообще сочилась ядом, злостно вода тряпкой по полу и продолжая причитать под нос.

— Морг? — с удивлением посмотрела я на неё и вновь перевела взгляд на свою дверь.

В голову пришло только воспоминание о двух мёртвых, что ко мне тогда стучались. Санитарка на момент замерла, хмуро на меня посмотрела и продолжила мыть, причитая про людей, что не ценят её труд.

— Удивительно, что он не снял эту дверь с петель. Столько дури в нём было, четыре мужика его еле обратно на первый этаж спустили, — будто сжалившись, крикнула она мне в спину, когда я открыла дверь и собралась заходить в кабинет.

Замерев на месте, дослушав её, я всё же вошла в свой архив. Адольф лениво цвёл, всё сильнее разрастаясь, будто ему нравилась эта смесь пыли и старой магии, которая витала в воздухе. В комнате так и продолжало пахнуть пылью и стариной, из-за чего я привычно открыла окно на проветривание. Свежий воздух ворвался внутрь, но не смог сразу выгнать этот запах — он держался, как старая привычка.

Задумчиво припоминая, что ни Маринка, ни кто-то из девчонок меня сегодня даже не встретил на регистратуре, я нахмурилась. Это было удивительно, учитывая, что девочки очень активные и буквально всегда что-то обсуждали по утрам и всех встречали. Обычно их голоса были слышны ещё на лестнице, а сегодня — тишина. Словно все четыре этаж затаили дыхание.

Отбросив эти мысли куда подальше, я принялась за рабо-

ту, предварительно проделав с одной из двух пар ножниц то же самое, что я сделала в своей квартире: повесила их над дверью кабинета, остриём вниз, и тихо прошептала:

— Мой дом, моя территория, моё пространство. Слово моё крепко, и сильно, как Алатырь-камень. Да будет так.

Почувствовав лёгкую слабость и удовлетворение, я с головой погрузилась в работу до самого вечера. Из-за вчерашнего нервоза слишком много всего осталось не вбитым, а скорость сохранения данных в программе могла соперничать с улиткой, и это злило, но одновременно и успокаивало — обычные проблемы, понятные, земные.

В коридоре вновь погасили одну половину света, создав полутьму, экономя на электричестве, как бы давая мне знак, что скоро и рабочий день закончится. Всё бы ничего, но на нижнюю щель двери я всё же поглядывала, раздумывая, будет ли вчерашняя жёсть под дверью или нет. Но всё было спокойно ровно до восьми двадцати, пока в коридоре полностью не выключили свет.

Тишина стала другой — не обычной вечерней тишиной больницы, а глухой, плотной, будто кто-то накрыл здание толстым покрывалом. Свет в моём кабинете ещё горел, но коридор за дверью теперь был абсолютно чёрным, и эта чернота казалась живой, будто она дышала, смотрела.

— Бля... — единственное, что сорвалось с моих губ, пока я перебирала в голове все страшилки, которые просмотрела за всю жизнь.

И в этот момент из темноты коридора донёсся тихий, едва уловимый звук — будто кто-то провёл ладонью по стене, проверяя, на месте ли она. Скрип. Ещё один. И тишина.

Я замерла, пальцы впились в край стола. Монитор тускло светился, отбрасывая на меня бледный свет, и в этом свете я снова увидела, как в моих глазах вспыхивают крошечные звёздочки — будто они знали, что сейчас произойдёт, и готовились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.